

НАРОДНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ: ОБЩЕРУССКОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ

С.С. МИХАЙЛОВ
(Москва)

РАЗБОЙНИКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ГУСЛИЦ

Местность Гуслицы, расположенная в новой части современного Орехово-Зуевского р-на Подмосковья, в прошлом имела недобрую славу. Жителей края — гусяков — население сопредельных регионов, да и более отдаленных уголков России, считало «людьми без совести и чести». Гуслицы были одним из центров российского фальшивомонетчества, из деревень края регулярно уходили в Москву и другие богатые места собирать «на погорелое», на построение и ремонт несуществующих храмов и монастырей и т.п. Славились Гуслицы и своими конокрадами, ну и, конечно же, разбойниками. В этом интереснейшем старообрядческом крае развилась самобытная криминальная субкультура, которая сосуществовала с местной старообрядческой культурой. Как же получилось, что хранители «древлего благочестия» стали одновременно и разбойниками, фальшивомонетчиками, «сбирунами»?

Во-первых, согласно законам царской России, старообрядцы как «раскольники» были поставлены вне закона, и это способствовало тому, что в ряде регионов, прежде всего в Гуслицах, они легко находили общий язык с преступным элементом. Во-вторых, гусяки в значительной части были потомками ссыльных новгородцев, беглых стрельцов, других «вынужденных переселенцев», хранивших историческую память, поэтому начиная с середины XVII века

они оставались верными дониконовским традициям как выражающим идеологию, оппозиционную Москве. В-третьих, Гуслицы — край глухих лесов и болот, удобный для укрывания не только старообрядцев, но и разбойников, дезертиров, которым здесь всегда оказывали радушный прием. В-четвертых, Гуслицы были очень удобно расположены — в глуши, на окраине созданного в конце XVIII века Богородского уезда Московской губ., рядом с такими же глухими, лесистыми и заболоченными местами Егорьевского уезда Рязанской губ. и Покровского уезда Владимирской губ. Полиция не имела права заходить на административную территорию соседней губернии, чем пользовались разбойничьи шайки, спасаясь от преследования. Об этом писал В.А. Гиляровский и другие авторы [Гиляровский 1999, 105]. Неподалеку от Гуслиц, находившихся вблизи «второй столицы» — Москвы, проходили Владимирская и Рязанская дороги, а через сами Гуслицы шла соединявшая их «Коломенка», а также Касимовский тракт. Идеальное место для разбоя и появления своеобразного «криминального отстойника».

Когда появились в Гуслицах разбойники, неизвестно. Первые упоминания о них относятся к XIX столетию. Народная память сохранила предания только конца XIX — начала XX века. Сегодня здесь в лучшем случае вспомнят о знаменитом Ваське Чуркине, жившем в 1850—1880-е гг., уроженце д. Барской, что в Заходе. В Гуслицах, Вохне (район г. Павловского Посада) до сих пор можно встретить старожилов, которые помнят широко известную старинную песню про побег из тюремного замка разбойника по фамилии Ланцов («Звенит звонок к ночной поверке, Ланцов задумал убежать...»). Однако, кто он такой, ска-

Народные исторические предания: общерусское и локальное

47

зять не может уже никто, хотя песня была очень популярна в Гуслицах еще в 1930—1940-е гг. В гуслицких селениях фамилию Ланцовы удалось встретить только в деревнях Сенькино и Старово, расположенных возле Ильинского погоста. Деревни граничат друг с другом и имеют общее происхождение. То, что Ланцовых в указанных селениях много, позволяет сделать вывод, что фамилия эта здесь коренная и, возможно, герой песни был именно отсюда. Вряд ли гусялки с их самосознанием и самомнением, имея достаточное число своих разбойников, стали бы петь про чужака¹.

Самым известным из разбойников Гуслиц был упомянутый выше Василий Васильевич (Васька) Чуркин. Родом он был из д. Барская заходской части Гуслицкого края. Гуслицкий Заход сам по себе был местностью очень интересной. В него входило всего шесть деревень: Давыдово, Барская, Гора, Ляхово, Елизарово и Костино (местные жители утверждают, что Заход тянулся в сторону Павловского Посада и Дрезны). Некоторые авторы конца прошлого столетия в Заход записывали всю Запонорскую волость Богородского уезда [Братское слово 1888, 287]. В этом околотке почти в каждом селении жили иконописцы, но знаменит он был не столько своими иконами, сколько разбойниками. Известный противостарообрядческий миссионерский журнал «Братское слово» писал о Заходе в 1888 г., что еще за два десятка лет до этого он представлял собой разбойничий край. Именно отсюда и вышел Чуркин, который, по данным местных краеведов, контролировал огромную территорию от Москвы до Владимира.

Чуркина помнят в Гуслицах, в отличие от многих других разбойничьих главварей, которые были его современниками и даже жили несколько позже. Причиной этого была и особая популярность разбойника в народе, и интерес к нему писателей и журналистов, возникший уже вскоре после его смерти. Писали о

¹ О побегах Ланцова из тюрем повествует довольно подробная заметка в Санкт-Петербургской газете «Голос» [Голос 1864]. Но, к сожалению, в ней не уточняется, откуда был родом герой популярной песни.

нем и В.А. Гиляровский, и его начальник по «Московскому листку» Н.И. Пастухов. Последний написал целый роман «Разбойник Чуркин» в пяти частях [Пастухов 1883—1884]. Это художественное произведение, но в нем хорошо описаны события, которые имели место сразу же после побега Чуркина из тюремного замка в 1870-е гг. Они подтверждаются сохранившимися в архивах 1874—1876 гг. отчетами полицейских чинов о ходе поисков беглеца (ЦИАМ, ф. 17, оп. 13, д. 790, л. 1—117). Эти материалы явно были знакомы Н.И. Пастухову.

Наличие публикаций о «подвигах» Чуркина осложняет сбор полевого материала. В одной из деревень со мной произошел такой случай. Я беседовал с пожилым информантом, родившимся в 1930-е гг. Когда я задал вопрос, известно ли ему что-либо о Чуркине, он стал рассказывать об убийстве Чуркиным старосты д. Ляхово, о других его делах. Говорил он много и знал также подозрительно много для человека, который родился через полвека после смерти известного атамана разбойников. Когда же он дошел до рассказа о жизни Чуркина в Верхотурье, события которой выдуманы Пастуховым, я не выдержал и спросил, откуда он всё это знает. Старик с гордостью сказал, что, когда при клубе в их деревне была библиотека, там была «старинная книга про Чуркина» и он ее читал...

Н.И. Пастухов изобразил Чуркина в своем романе как нелюдя, который оставляет за собой горы трупов. В.А. Гиляровский же, наоборот, пишет, что Васька Чуркин «бывший фабричный, пьяница, со своей шайкой грабил по дорогам и чужих, и своих, обворовывал клетки да ходил по хозяевам-фабрикантам по несколько раз в год» [Гиляровский 1999, 108]. Но как же тогда он смог стать таким популярным и в Гуслицах, и за их пределами?

Точная дата рождения Василия Чуркина неизвестна. В подворной переписи селений Запонорской волости Богородского уезда за 1869—1871 гг. среди жителей д. Барская под № 46 значится крестьянин Василий Васильев (фамилий в переписи нет), 25-ти лет, его жена Ари-

на Ефимова, 22-х лет, и две дочери, 4-х и 2-х лет. В примечаниях написано, что Василий Васильев находится во владимирском тюремном замке (ЦИАМ, ф. 184, оп. 10, д. 1720, л. 103об.). Следовательно, можно предположить, что Чуркин родился приблизительно в 1844—1846 гг. Историческая память гусликов о Чуркине отчасти подтверждает слова Гиляровского. Он на самом деле в основном занимался тем, что в конце XX столетия в России стали именовать «рэкетом». Чуркин, согласно рассказам старожилов, регулярно посылал кого-нибудь из своей шайки или мальчика с запиской к богачу или фабриканту, предлагая, под угрозой «подпустить красного петуха», принести в определенное место конкретную сумму денег или же бочонок выпивки с закуской. Как правило, с ним никто не пытался спорить и все сразу же отдавали требуемое. Судя по рассказам о других гуслицких разбойниках, подобный «рэкет» был характерной чертой гуслицкого разбоя. Жительница Давыдова Клавдия Абрамовна Тюрина, уроженка д. Костино, рассказала следующее. В детстве от бабушки ей доводилось слышать про случай, происшедший с ее дедом. Дед считался довольно зажиточным и один раз получил такую записку с угрозами, но платить отказался. И вот среди бела дня в окно выстрелили. Пуля попала в сервант, никого не задев. Впоследствии семью никто не беспокоил. Сама К.А. Тюрина хорошо запомнила этот след от пули.

Также Чуркин часто орудовал на уже функционировавшей тогда Московско-Рязанской железной дороге, сбрасывая на ходу грузы с товарных вагонов у станции Конобеево. Железнодорожный разбой существовал и в XX столетии.

Насельник Спасо-Гуслицкого православного монастыря иеромонах Киприан (Николай Земляков), 1981 г.р., родственники которого живут в гуслицких заходских деревнях Барская, Гора и Ляхово, рассказал семейное предание — случай, происшедший с его прапрадедом. Последний чем-то помог Чуркину, и ему была оказана следующая услуга: каждый раз проезжая возле места, где была постоянная разбойничья засада, он обяза-

тельно должен был постучать по колесу телеги. Это означало, что едет «свой».

Чуркин стал личностью легендарной. В местном фольклоре можно найти немало интересных сюжетов, в которых он выступает как благородный разбойник — не трогает бедных и даже помогает им. Вот два наиболее распространенных рассказа: «Одна баба пошла в лес по грибы. Она идет по лесу, пугливо озирается. Навстречу ей выходит мужчина. Увидев испуганную женщину, он спрашивает, чего она боится. Она отвечает: “Да ты что, не знаешь?! Здесь же где-то Чуркин ходит! А он ведь такой страшный человек, и грибы отымет, и жизни лишит!”. В ответ на это встречный усмехается, достает из кармана пятиалтынный, протягивает его женщине и говорит: “На, возьми. А Чуркина не бойся — он хороший человек. Бедных он не трогает. Так всем и передай. Я и есть Чуркин”»; «В одной деревне жила бедная старуха, у которой была только корова. Денег нет, сена для коровы косить нет сил. Старуха решила на последнее: продать корову. Пошла она на базар. Идет лесом, пугливо озирается. Навстречу ей попадает неизвестный человек. Незнакомец спрашивает: “Чего, старая, боишься?”. Бабка ему в ответ: “А ты и не знаешь! Здесь же Чуркин со своими шалит! Отберет последнюю кормилицу, да и жизни лишит!”. Незнакомец спрашивает: “А зачем корову продаешь?”. Старуха и поведала ему о своей беде. Мужчина ей говорит: “Веди корову домой и не вздумай продавать! А про Чуркина небылиц не говори, он хороший человек. Я — он и есть”. На следующее утро старуха обнаружила возле своего дома огромный стог сена — корове на целую зиму, а на крыльце к тому же лежит еще и крупная сумма денег» (зап. в 2003 г. от Владимира Сергеевича Воронцова, 1926 г.р., образование высшее, урож. Тверской обл., проживает в г. Куровское).

Точно такие же истории рассказывают и про Кабана, о котором речь пойдет ниже, и про других разбойников. Не исключено, что сами сюжеты были «старше» Чуркина, а потом «пристали» к его популярному имени.

Хотя Чуркин не был замечен в изготовлении фальшивых денег — одним из

самых популярных гуслицких криминальных занятий, народ приписал ему и это. *«Один раз Чуркин, промышлявший и изготовлением фальшивок, изготовил очередную партию сторублевок и решил ее проверить. Он поехал в Москву, в сберкассу, и попросил проверить, не фальшивые ли они. Опытные банковские служащие, внимательно посмотрев бумажки, сказали, что всё в порядке и деньги настоящие. Он стал настаивать, что деньги очень подозрительные. Служащие еще раз проверили их, осмотрев через микроскоп, покапав на них реактивами. Всё было в порядке. Тогда Чуркин говорит им: “А вы вот здесь посмотрите!” И показывает в том месте, где пишется о том, что подделка преследуется по закону, было написано: “Тот дурак, кто не подделывает деньги”»* (зап. в 2003 г. от Владимира Сергеевича Воронцова, 1926 г.р., образование высшее, урож. Тверской обл., проживает в г. Куровское). Героем этого прежде распространенного сюжета на самом деле был один из давыдовских фальшивомонетчиков 1930-х гг., но со временем этот рассказ вошел в цикл преданий о Чуркине.

Интересные сведения о Чуркине мне удалось получить от жителя д. Беливо Сергея Петровича Богомолова, 1937 г.р. Он рассказывал, что Чуркин видел человека насквозь. Известный разбойник предстал в его рассказе почти как сказочный персонаж — благородный разбойник, помогавший землякам. Так происходит фольклоризация и даже мифологизация исторического персонажа.

О смерти Чуркина, которая наступила примерно в 1880 г., существовало немало рассказов. По версии Н.И. Пастухова, известного разбойника задавила упавшая береза; по В.А. Гиляровскому, его «наконец в Сибири доби́ли» [Гиляровский 1999, 108]. В Заходе рассказывают историю, что Чуркин как-то встретил в кабаке человека, похожего на себя, такого же роста. Он напоил его, а затем, убив, одел в свою одежду. Чуркина почитали убитым, а сам он прожил остаток дней вдали от Гуслиц на награбленные деньги. Жительница Давыдова Лидия Федоровна Самохвалова, 1929 г.р., рассказала, что Чуркина убили, забив ему

в рот кол с надписью «Чем кормился, тем и подавился».

Чуркина помнят не только в Гуслицах, но и в селениях, находящихся на сопредельной Гуслицам территории. О вымогательстве Чуркиным денег и спиртного у фабрикантов рассказывают в Гжели и Вохне (Павловский Посад). Сохранились воспоминания о «лежбищах» известного атамана. Возле вохонской деревни Рахманово старожилы до сих пор показывают место, где находилась поляна, на которой Чуркин любил гулять со своей шайкой («Чуркина поляна»). Вблизи д. Евсеево сохранилась роща, где также, по преданию, отдыхал Чуркин. Аналогичное место показывали и в районе современного города Электрогорск Павлово-Посадского р-на, где на берегу озера также есть место, откуда Чуркин совершал набеги на Владимирскую дорогу. В самих Гуслицах, в лесу вблизи д. Цаплино, есть место, которое называется «Чуркин колодец». Его показывают старожилы и охотники. По одним преданиям, возле бывшего здесь колодца делили добычу Чуркин и другие разбойники. По другим, в этот колодец был брошен выпотрошенный сейф, который Чуркин выкрал в одной из контор. Такое же место, где Чуркиным был выброшен опустошенный сейф, показывают и на речке Шувоике.

В заключение рассказа о Василии Чуркине хотелось бы коснуться и того, как предания о нем повлияли и на мифотворчество местных краеведов. В Павловском Посаде местные исследователи связывают личность местного святого Василия Грязнова, купца, происхождение которого неизвестно, с Васькой Чуркиным: якобы спрятавшийся с награбленными богатствами Чуркин приехал в Посад и стал купцом Грязновым. Грязнов на самом деле взялся неизвестно откуда с большими деньгами, но даты жизни Чуркина и Грязнова не совпадают. Когда Чуркин был еще ребенком, Грязнов находился в зените своей карьеры.

В.А. Гиляровский в описании одной из своих гуслицких поездок упоминает случай в лесу возле Спасо-Гуслицкого монастыря. Писатель присоединился к гуляющей компании, лидером которой

был монастырский казначей иеромонах Памво. В компании находился сподвижник Чуркина, некий Костя. Его фамилию — Новиков — мне удалось выяснить благодаря старой периодике. Костя обладал огромной силой и, устроив показательные бои с собравшимися, был повержен лишь В.А. Гиляровским. Последний писал, что Костя был фигурой куда более значительной, нежели Чуркин, и большая часть крупных дел, которые приписывали известному главарю, на самом деле были совершены Костей [Гиляровский 1999, 105—108]. О Косте помнят в основном потому, что его имя для гуслицков тесно связано с Чуркиным, и только в том месте, где он совершал свои «подвиги» уже без последнего. У Новикова было пристанище неподалеку от д. Беливо — землянка в лесу. Эту землянку видел еще в 1950-е гг. старожил д. Беливо Сергей Петрович Богомолов, 1937 г.р., в прошлом заядлый охотник. В самой деревне Костя в конце жизни жил почти открыто. Вокруг Кости собрались остатки шайки Чуркина [Русские ведомости 1887].

Самым популярным разбойником начала XX столетия, о котором до сих пор помнят во многих селениях Гуслицкого края, был Кабанов, носивший прозвище Кабан. В отличие от Чуркина, о нем не создавали литературных произведений, да и известен он был только в восточной части Гуслиц. О нем, к примеру, практически ничего не знают старожилы Гуслицкого Захода, за исключением тех, кто прежде по той или иной причине был связан с районом, где действовала шайка Кабана. Жительница Шувого Екатерина Дмитриевна Бадалина, урожденная Лебедева, 1925 г.р., родившаяся и жившая до замужества в Устьянове, рассказала, что Кабан и его шайка действовали в основном в районе деревень Шувое, Нареево, Гридино и других, расположенных на юго-восточной окраине гуслицкого ареала. В Устьянове, расположенном западнее, а также в других соседних селениях орудовал Сизов, о котором мы поговорим далее. Из этого следует, что, по крайней мере, в первой трети XX столетия у гуслицких разбойников была своя территория, гра-

ницы которой они старались соблюдать. Подробной информации об этом не удалось обнаружить. Е.Д. Бадалина рассказала, что Кабан и большая часть его подручных были из «села», как прежде именовали деревню Богородское. В прошлом здесь была церковь, впоследствии упраздненная, но «селом» населенный пункт продолжали именовать и после.

Когда Кабан начал свою разбойничью «карьеру», никто из нынешних старожилов сказать не смог. Предполагают, что это было еще «при царе». Как и Чуркин и другие разбойники-гуслики, Кабан не только занимался разбоем на «большой дороге», но и вымогал деньги у богатых сельчан. Про Кабана рассказывают фактически то же, что и про Чуркина, зачастую просто заменяя одно имя на другое. Самыми распространенными являются сюжеты про женщину в лесу и старуху, ведущую продавать корову. Вымогая деньги у богачей, Кабан также соблюдал границы дозволенного. Он приходил за «данью» строго через определенные промежутки времени и брал ровно столько, «сколько положено». Уроженка д. Понарино Людмила Петровна Красоткина, 1940 г.р., ссылаясь на рассказы родителей и стариков, поведала о следующем случае. Однажды Кабан в очередной раз взял деньги с богача в одной из деревень. Один из членов шайки, бывший на хорошем счету, решил, что ему мало положенной доли, и вернулся взять еще денег. Тот, прекрасно понимая, что шутить с разбойниками не стоит, дал требуемое. Через какое-то время богач встретил Кабана и в разговоре упомянул о случившемся. Кабан пришел в ярость. На глазах всей шайки он убил нарушителя неписаного закона, а тело подбросил ночью в деревню, где жила жертва несправедливого побора.

Житель большой гуслицкой деревни Степановка Петр Иванович Левин, 1933 г.р., рассказал историю, в которой фигурирует шайка какого-то атамана (не исключено, что Кабана). Один человек в период НЭПа служил в частной чайной. Работник отличался честностью и был на хорошем счету. Хозяин регулярно именно его посылал «в город» (т.е. в Егорьевск) за товаром для чайной. Од-

нажды человек был отправлен, казалось бы, в рядовую поездку за товаром. Он благополучно добрался до Егорьевска, купил всё необходимое и уже возвращался назад. На лесной дороге его встретили разбойники. И работник, и разбойники хорошо знали друг друга, поскольку хозяин чайной регулярно платил последним «дань». Члены шайки сообщили работнику неприятную новость, что его хозяин арестован, чайная закрыта. Подобная участь ожидала и верного работника. Разбойники помогли ему миновать засаду милиции, спрятаться, а затем сбить товар и уехать подальше от Гуслиц. За свои услуги «избавители» взяли немного.

Как это ни странно, единственное место, где сохранилась недобрая память о Кабане и его подручных, — сами деревни Шувое, Нареево (ныне часть поселка Шувое), где и была основная «территория» этой шайки. По словам шувойцев, Кабан орудовал в их краях приблизительно до 1932 г. В лесу, к северу от д. Нареево, у разбойников была землянка, где они жили. Простых жителей соседних деревень они не трогали, говорили: *«Спите спокойно — мы вас не тронем. Мы только богатых грабим!»* (зап. в 2005 г. от Бориса Дмитриевича Лебедева, 1928 г.р., в д. Устьяново и Екатерины Дмитриевны Бадалиной, урожд. Лебедевой, 1925 г.р., родилась в д. Устьяново, сейчас проживает в п. Шувое). Известен случай, когда во время дневного вторжения разбойников через огород в дом одного нареевского крестьянина их заметили члены его семьи, была поднята тревога. На шум сбежались соседи, и незваные гости были обращены в бегство (зап. в 2004 г. от Алексея Деевича Пчелина, 1934 г.р., в д. Нареево).

Рассказывают, что Кабан и его подручные, из которых шувойцы и нареевцы помнят только разбойника по прозвищу Гусь, постоянно приходили в д. Шувое на танцы. Причем старожилы всегда выдвигают на передний план Гуся, а не Кабана. Не исключено, что, как это было в случае с Чуркиным и Костей, он, являясь правой рукой атамана, фактически был более значимой фигурой. Гусь и Кабан вели себя на гулянках вызывающе. Они никого не боялись, выбирали

себе самых красивых и богатых барышень. Последние не смели им отказать (зап. в 2004 г. от Алексея Деевича Пчелина, 1934 г.р., в д. Нареево).

Уже упоминавшаяся Е.Д. Бадалина рассказала про один «подвиг» неопознанной шайки разбойников, которая в 1920-е гг. вырезала в д. Устьяново целое семейство, за исключением грудного ребенка. Дом всегда был заперт хозяевами изнутри, поэтому злодеи выждали, пока утром старуха вышла на двор доить корову. Они убили ее и ворвались в дом, где и разыгралась кровавая драма. Особо поживиться они не успели, поскольку нападение на пожилую женщину видели односельчане, которые подняли тревогу. Разбойники убежали в соседний лес, их не осмелились преследовать. Убегая, злодеи старались не оглядываться, дабы не быть узнаваемыми. У некоторых из них были пистолеты, из которых они вели огонь вслепую через плечо. Нареевские старожилы убеждены, что это дело рук именно Кабана и его подручных.

Житель д. Анциферово Николай Степанович Самошин, 1921 г.р., рассказал о случае с кузнецом, уроженцем д. Авсюнино, который одно время квартировал в Анциферове. Эту историю он услышал в детстве во время разговора кузнеца с отцом. Однажды во время очередного посещения Авсюнино Кабан поссорился с кузнецом. Тот, будучи человеком не робкого десятка, взяв зубило и зажав его в руке, нанес Кабану сильный удар. Без шайки Кабан был вынужден ретироваться. Через несколько дней он пришел к кузнецу и похвалил его: «Меня все боятся, все опасаются со мной связываться. Один ты меня не испугался».

Исчез Кабан в начале 1930-х гг. (по мнению старожил Шувого, в 1932—1933 гг.). По рассказам информантов, его в конце концов поймала милиция. Однако, по другим сведениям, у него был иной конец. Зарвавшийся разбойник изрядно надоел многим гусякам, особенно мало-мальски зажиточным. Они решили покончить с ним раз и навсегда. Выдавать его правоохранительным органам считалось ззорным, и его решили убить. Выждали момент, когда Кабан был без своей шайки и лег спать

на сеновале возле д. Абрамовки. Собравшиеся крестьяне закололи его вилами. Шайка Кабана после его смерти распалась, о дальнейшей судьбе ее членов, прежде всего Гуся, рассказать никто не смог. Землянка за д. Нареево сохранялась еще очень долго, но впоследствии ее разрушили местные жители, пытаясь найти «кабановский клад».

Другим известным разбойником начала XX столетия, оставившим о себе память у гусликов, был Сизов. Его имени никто из старожилов назвать не смог. По одним сведениям, Сизов был «одиночкой», по другим, он был лидером шайки. Его «специализацией» было похищение лошадей и рогатого скота. Е.Д. Бадалина рассказала, что Сизов разбойничал еще до революции, на рубеже веков. Другие информанты говорили, что он орудовал до 1920-х гг. Практически все, кто смог что-либо рассказать о Сизове, отмечали его огромную физическую силу. По словам Л.П. Красоткиной, Сизов без особого труда мог повалить похищаемую лошадь или корову, связать ей ноги и взвалить на телегу. Часто мне доводилось слышать, что еще в 1940-е гг. в Устьянове и соседних деревнях отцы ставили Сизова в пример своим сыновьям как образец мужской силы. По рассказам уроженца д. Иванущево Виктора Николаевича Хромова, 1928 г.р., а также уроженца Устьянова Бориса Дмитриевича Лебедева, 1928 г.р. (оба ссылались на рассказы своих отцов и матерей), в период НЭПа в Иванущево у Сизова была своя чайная. В ней за деньги продавались только алкогольные напитки. Закуска же давалась бесплатно, поскольку вся была ворованной. Другие информанты, например Е.Д. Бадалина и Л.П. Красоткина, говорили о Сизове как о человеке бескорыстном, который грабил только богатых, а бедным, наоборот, помогал.

О конце сизовской «карьеры» информанты говорят разное. Л.П. Красоткина рассказала следующее. У Сизова была любимая женщина. Она жила в одной из гуслицких деревень (в какой именно, Красоткина сказать не смогла). О любовнице разбойника знали, разумеется, и милиция, и комсомольские активисты. Однажды Сизов заехал к возлюблен-

ной, предварительно украв корову. Взваленное на телегу животное было накрыто рогожей. Сизов тщательно спутал корову, завязал морду, чтобы она не мычала, но не предусмотрел одного — хвост коровы свисал с телеги! Подъехав к дому любимой и оставив телегу на улице, разбойник пошел в дом. В это время мимо проходил один деревенский комсомолец, который увидел коровий хвост и, сообразив, кто в доме, побежал за подмогой. Прибывшие милиционеры и комсомольцы смогли скрутить Сизова. Он был арестован, и более никто о нем ничего не слышал.

Е.Д. Бадалина рассказала следующую историю, также ссылаясь на рассказ родителей. Однажды Сизова поймали, когда он воровал корову, привели в Устьяново, где устроили самосуд. Инициаторами расправы были не рядовые сельчане, а другие разбойники — конкуренты Сизова. Его долго избивали в самом центре деревни на глазах у всех устьяновцев. Сизова избили до полусмерти и, решив, что он уже мертв, разошлись. Но истекающий кровью Сизов пришел в себя и неизвестно почему попросил дать ему попить мочи. Кто-то после этого говорил, что Сизов умер, кто-то — что он выжил. Б.Д. Лебедев рассказал, что умершего Сизова увезли в район соседней Абрамовки, где тайком похоронили.

О других разбойниках выяснить удалось немного. Старожилы смогли вспомнить только их фамилии, хотя промышляли они в первые три десятилетия XX столетия. В основном они действовали на востоке Гуслиц. Это Смирнов, Иван Левин, Мартынов. Хранительница исторической памяти Гуслиц, уроженка д. Степановки Устинья Григорьевна Андреянова (урожд. Шмелева), 1923 г.р., рассказала, что Смирнов с шайкой орудовал в районе соседней деревни Авсюнино, откуда он, по некоторым сведениям, был родом, и одноименного железнодорожного разъезда. От его рук погибли милиционер и местный комсомольский активист (в 1922 г.). В конце концов его блокировали в погребе, в д. Понарино, где он и был застрелен. Иван Левин и Мартынов были уроженцами самой Степановки. По словам У.Г. Андреяновой, некоторые говорили о них, что

те были одиночками, но многие связывали их с шайкой Кабана. Жительницы д. Давыдово, в Заходе, вспомнили местного разбойника Дмитрия Трунина, который был жив еще перед войной. В д. Ботогово, расположенной на самом юге гуслицкого ареала, удалось обнаружить информацию о местном разбойнике Ключеве, который «ходил под дорогу», устраивал поджоги. Когда он вконец надоел ботоговцам, его подкараулили в лесу, стащили с лошади, убили и закопали в ельнике между Ботоговым и д. Исаевской, расположенной к югу от Гуслиц. О наличии большой шайки у Ключева никто не помнил, но рассказали, что у него был подручный, некто Юнка Максимкин.

Помимо деревень Захода дурной славой в Гуслицах пользовались и некоторые другие населенные пункты. Так, Понарино испокон веков считалась деревней поджогов и убийств. Про деревню Равенскую говорили, что в ней «*через двор — вор, а через два — колдун*». Равенская горела практически каждый год, а, по представлениям гусяков, большая часть пожаров в крае считалась следствием поджогов [Гиляровский 1887].

Житель д. Анциферово Николай Степанович Самошин, 1921 г.р., патриот своего селения, рассказал следующее. На его памяти, в период НЭПа, а также по рассказам односельчан — сверстников его родителей, недоброй славой у гусяков пользовалась «Коломенка», на которой вблизи Анциферова и Слободищ постоянно устраивались засады на проезжающих. Анциферовцы называли эту дорогу «Сминной», поскольку разбойники «сминали», т.е. грабили на ней путников, в основном тех, кто ехал на базары и ярмарки в Ильинский погост. По словам Н.С. Самошина, разбойники любили собираться в чайной в заходской деревне Костино. Они обменивались информацией относительно того, кто с каким товаром должен проезжать, и намечали план действий. Чтобы их не поняли окружающие, разговор шел на так называемом тайном «масойском», или «масовском», языке. Последний еще помнят старожилы д. Елизарово, но есть сведения, что прежде он был известен и в других селениях Гуслицкого Захода. Ныне

опрошенные мной старожилы заходских деревень Гора, Барская, Давыдово утверждали, что «масойский» язык бытовал исключительно в Елизарове и у них самих известен не был. Елизарово, хотя и расположено рядом с другими деревнями, всегда стояло особняком. Елизаровцы прежде даже браки заключали только между своими.

Н.С. Самошин рассказал о еще одной шайке, которая орудовала в районе Анциферова и соседних деревень на рубеже XIX—XX веков. Кто был ее атаманом, он не знает, но рассказал о женщине по прозвищу Вараиха, родом из Костино, входившей в состав шайки. Она забиралась во двор дома и давала сообщникам знак, мяукая, как кошка. Самошин, будучи ребенком, хорошо ее запомнил; на старости лет она регулярно приходила в Анциферово бобираться.

Елизарово и Костино были самыми известными в Гуслицах центрами конокрадства. Н.С. Самошин рассказывал, что в Костине прежде человек, даже когда шел в моленную Богу молиться, брал с собой «оброчку» (уздечку) — а вдруг по дороге лошадь попадет. Л.Ф. Самохвалова и К.А. Тюрина вспомнили, что у елизаровских конокрадов даже был особый талисман: отрубленный палец. Кому этот палец принадлежал прежде, неизвестно. Не исключено, что либо давленнику, либо еще какому-нибудь человеку, умершему неестественной смертью. Палец берегли как зеницу ока. Во время похищения лошадей его клали за наличник хозяйского окна, и, по рассказам, все в доме спали как убитые, какой бы шум ни стоял на дворе.

Разбойники-гусяки промышляли и на железной дороге. В конце XIX — начале XX столетия через территорию Гуслиц проходил Ореховский подъездной путь, а затем была построена и ветка Люберцы — Арзамас, и там сразу же стали происходить кражи из товарных вагонов. В 1920—1930-е гг. на станции Куровская работал сцепщиком вагонов Иван Киреев, который был главным пособником железнодорожной банды братьев Лобковых. Банда была арестована, ее члены приговорены к расстрелу, но наказание было заменено лишением свободы. По моим данным, актив-

ные кражи из товарных вагонов продолжались вплоть до 1980-х гг. Занимались этим преимущественно люди, связанные с железной дорогой, при сговоре с охраной станций. Кражи происходили преимущественно на станциях Куровская и Давыдово, где товарные составы стоят подолгу.

В целом отношение к разбойникам в Гуслицах было положительным: «Они были люди хорошие, грабили только богатых, бедным только помогали». Те, кто прежде наводил ужас на население Гуслиц, остались в народной памяти как Робин Гуды. Когда однажды в одной из сельских школ края я спросил у учителей, почему гусяки всегда хорошо говорят о разбойниках, то получил следующий ответ: «А что о них плохо помнить? Где-нибудь обоз ограбят — вся деревня хорошо живет!». Некоторые лидеры шаек предпочитали делиться с односельчанами, чтобы обеспечить себе «тыл» на случай погонь, засад и т.п. О разбойниках старожилы до сих пор говорят: «Они о себе особо не думали. Грабили, чтобы бедным помочь. Сами так и оставались безо всего» (зап. в 2005 г. от Екатерины Дмитриевны Бадалиной, урожд. Лебедевой, 1925 г.р., родилась в д. Устьяново, сейчас проживает в п. Шувое). Такая идеализация образа разбойника типична для фольклора, а в крае, который слыл разбойничьим, другого отношения, вероятно, было бы трудно ожидать.

Литература

Братское слово 1888 — Братское слово. М., 1888. № 4.

Гиляровский 1887 — *Гиляровский В. С* Гуслицкого пожара // Русские ведомости. 1887. № 250, 11 сентября.

Гиляровский 1999 — *Гиляровский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1999.

Голос 1864 — Голос. СПб., 1864. № 243, 3 (15) сентября.

Пастухов 1883—1884 — *Пастухов Н. И.* («Старый знакомый»). Разбойник Чуркин: Роман: В 5 ч. М., 1883—1884.

Русские ведомости 1887 — Русские ведомости. 1887. № 48, 19 февраля. № 63, 6 марта.

Сокращения

ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы.

Н.Е. КОТЕЛЬНИКОВА
(Москва)

ТЕМА РАЗБОЙНИЧЬИХ КЛАДОВ В НАРОДНОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ

С разбойниками клады связывались повсюду. Эта связь легко объяснима: должны же были куда-то спрятать они те огромные богатства, которые по народным рассказам у них скопились

[Соколова 1970, 198].

Погружаясь в мир чудесных и таинственных, кровавых и ужасных, а иногда ироничных и даже сугубо бытовых русских фольклорных рассказов о разбойниках, мы видим, что любой мало-мальски известный разбойник оставил после себя клад. Изучив народную прозу о кладах, мы узнаем, что наибольшее число кладов обязано своим происхождением именно разбойникам.

Рассказы о кладах распространены в России повсеместно и имеют больше сходства, чем различий. Наибольшее число записей приходится на Центральный, Северо-Восточный и Поволжский регионы, а также Урал и Сибирь¹. Специфика рассказов о разбойничьих кладах определяется более их связью с образом конкретного разбойника, нежели локальной приуроченностью.

Какие же черты в образе разбойника наиболее ярко выявляются с помощью введения в повествование мотива захоронения клада? Их можно условно сгруппировать следующим образом: архаические черты, связанные с мифологической составляющей данного образа, и черты, свойственные разбойнику как историческому лицу.

С точки зрения социальной роли разбойники могут быть как «благородными», борцами за социальную справедливость,

¹ Это в немалой степени связано с неравномерной представленностью разных регионов России в доступных нам публикациях несказочной прозы.